

А.ДЖ. МАГОМЕДОВ

ТЮРКСКИЕ НАЗВАНИЯ КОТЛА В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Мақалада автор ыдыс-аяқтың түрі – қазанның атауына байланысты дағыстан тіліндегі материалдарды басқа түркі тілдеріндегі атаулармен салыстыра отырып, ғылыми талдау жасайды.

Bu makalede, kap kacak türü olan kazanın Dağıstan dillerindeki adları üzerinde bir araştırma yapılmış ve kazanın Dağıstan dillerinde rastlanan tüm adları alu gruba ayrılarak, diğer Türk dillerindeki kaynaklarla karşılaştırılmalı olarak ele alınmıştır.

Котел - один из видов кухонной утвари, известной многим народам мира. Еще в древности керамические котлы служили людям для варки и тушения пищевых продуктов. Керамические котлы в форме усеченного конуса (кованные из меди котлы таких форм позже были широко распространены в Южном Дагестане, в соседнем Азербайджане) выявлены в археологических древностях Дербента. С появлением металлов и технологий лужения посуды медные (бронзовые) керамические котлы заменялись металлическими. Вместе с тем керамические котлы продолжали бытовать в том же Дербенте вплоть до начала XIX в. (подсказано заведомо археологии ИИАЭ ДНЦ РАН, д.и.н. М.С. Гаджиевым). Можно также говорить о том, что изготовление литейной медной, бронзовой посуды сама по себе является редкой и древней традицией.

В этой связи большой интерес представляет и материал языков (наименования котлов разных форм), проливающий свет, как на истоки, так и на историко-культурные контакты народов. Специальных исследований на эту тему, как можно судить по публикациям, еще нет. В то же время надо отметить работу С.М. Хайдакова, где дана сравнительная подборка лексических единиц из дагестанских языков на слово «котел» [1], а также книгу Н.С. Джидалаева, в которой характеризуется как тюркизм слово из лакского языка *къазан* [2].

Изучение литературы (словарей и др.) показали отдельные издержки лексических описаний языковедов. Издержкой можно считать редкое указание в словарных статьях формы котла, т.к. для разных котлов были характерны свои наименования. Исследователи часто оговаривают описания, когда речь идет о чугунном котле, но не всегда обращают внимание на другие подвиды такой посуды, обусловленные технологиями их изготовления. В публикациях встречаются и неточные лексические описания, приписываемые носителям того или другого языка.

Известно, что в быту дагестанцев широко использовались как меднокованные в виде усеченного конуса котлы, а также меднолитейные полушаровидные кубачинские по происхождению котлы. Были распространены и простые медные котлы цилиндрического вида, изготовленные с помощью заклепок и пайки оловом. Также скупы при описании бытовой утвари (котлов в том числе) народов Дагестана и этнографы [3]. Так, цилиндрические котлы вообще не описаны

исследователями и вовсе нет в фотоматериалах. Слабое развитие в 1950-1960-е годы фотодела не позволяло широко иллюстрировать материал книг по традиционной материальной культуре. Позже, многие виды старой утвари вышли из употребления. Надо учесть и то, что этнографы Дагестана в 1950-1970-е годы глубоко не изучали процессы обновления бытовой культуры, больше увлекаясь кратким освещением тем социальных (социалистических) преобразований.

Наш интерес к теме был связан с кубачинскими бронзовыми (латунных, медных) котлами средневекового времени и их наименований. Речь о полушаровидных по форме котлах с тремя ножками (ножки отливались цельно вместе с котлом). Известный кавказовед Е.М.Шиллинг отнес это литейное дело кубачинцев к «очень старой по происхождению отрасли производства», «своего рода реликту», т.е. остатку далекого прошлого. По материалам посемейной переписи 1886 г. из 376 мастеров Кубачи медниками работали всего 10 человек. При этом литейных мастерских, как можно судить по сведениям Е.М. Шиллинга, было примерно половина из них. В 1930-е гг. в Кубачи работали всего два мастера-литейщика [4]. Последний такой котел в Кубачи был отлит в начале 1980-х годов.

В давнее время для литья котлов использовали бронзу. Но позже, во времена, когда медь можно было легче достать, взамен бронзового литья пришло литье котлов из меди. Возможно, этим объясняется и то, что Е.М. Шиллинг при описании этой техники, вообще не упоминает бронзу. Есть также предположение исследователя А.А.Иванова, что котлы средневекового времени могут быть отлиты не из бронзы, а из латуни. Дело в том, что химического анализа этих вещей еще не проведено.

Испанский путешественник Абу-Хамид ал-Гарнати, побывавший в Дербенте в XII в., писал об изготовлении кубачинцами «всевозможных медных изделий». Именно от тех времен до нас и дошли высокохудожественные литые котлы. Уникальные по своим художественным достоинствам они датируются исследователями XII–XIV вв. После XIV в. по неясным причинам высокохудожественные традиции литья (как и обработки камня) здесь стали угасать. Меднолитейщики перешли на изготовление простых по отделке котлов без узоров и изображений.

Е.М.Шиллинг назвал кубачинский промысел изготовления литых котлов, не только «реликтом», но и остатком «былого великолепия» и «ценным историческим памятником». Причиной устойчивого сохранения технологий изготовления бронзовых, медных литых изделий, ассортимента такого литья было «соответствие нуждам повседневного обихода», а также наличие спроса на них на «территории всего Дагестана». «Для литья котлов» мастера даже выезжали в соседний Лакский округ. Поэтому понятны заявления информаторов Е.М. Шиллинга о том, что в прошлом литейщикам приходилось «много работать». А.Р. Шихсаидов также пишет об «огромном влиянии кубачинского меднолитейного производства».

Литье котлов в этнографически обозримый период кроме Кубачи не зафиксировано в других местах Кавказе. В кавказских центрах обработки меди более известна традиция изготовления кованных медных котлов-казанов в виде усеченного конуса. Их в XIX в. ковали из листа в известном селении Лагич (Исмаилинский район Азербайджана), а также в городских мастерских Кавказа, где, как правило, работали лагичские медники [5]. У таких котлов несколько выгнутое дно, составляющее широкое основание. В XX в. повсеместно распространяются фабричные чугунные котлы заводского производства. В то же время сохранялось и производство кованных медных котлов. В городах Дагестана (Дербент), Азербайджана, Ирана во время общественных мероприятий (свадьба, поминки) и сегодня можно увидеть такие крупные толстостенные котлы, сохраняющиеся от прошлого. Как правило, это общественные котлы, и хранятся они в помещениях при мечетях, специальных квартальных помещениях.

В отличие от усеченно-конусного типа кованных котлов полусферические литые котлы – и сегодня являются частью традиционной кухонной утвари дагестанских кубачинцев, среднеазиатских народов. Не случайно, что еще в советское время промышленность освоила литье чугунных котлов подобной формы, известных как *казан*, ставших ярким атрибутом кухонной посуды среднеазиатских народов (часто их используют для приготовления плова). Казан устанавливается на специальную треногу. Благодаря толстым стенкам казана, которые долго остывают, пищу в нем не доводят до готовности на огне; в снятом с огня котле она некоторое время томится в собственном соку. Казан массово распространен сегодня в Казахстане и Средней Азии. Полусферическая форма такого котла почти полностью пускается в очаг, и пламя нагревает не только дно (как это происходит у посуды с плоским дном), но и его стенки. Понятно, что содержимое такой посуды нагревается быстрее и подобный казан является топливосберегающим, что немаловажно в условиях, где древесину для топлива трудно достать. Интересно и то, что многие дагестанцы, переезжая на свою историческую родину в период развала СССР, среди домашней утвари везли и такие котлы.

Большое разнообразие наименований разных видов котлов в дагестанских языках может сведено к ряду подборок:

1. Куб., ашг. *гIяшак*, кайт. *гIяшшак*. В чирагском диалекте котел «на ножках» также обозначается *гIяшак* [6].

2. Лак. *кIумкIур* (*кIункIур*); куб. *кIумкIур* гIяшак (+ котел); сирх. *кIумкIур*; цах. *кIумкIум*, арч. *кIункIун*; анд. *гунгул*.

3. Кумык. *къазан*; лезг. *къажгъан* (*къачгъан* [7], *къазанчи* (маленький котелок); ав., гунз. *хъазам*, аз. *газан*.

4. Андал., анпухск., хунз. диал. *уххи*, тлейс. гов. *кIуххи* [8]; лак. *кIюххи* [9]; хунз. (котел «только для топки масла») *ухи*. А. Р. Шихсаидов дает и другой вариант написания этого слова *ухьи* (различия не объясняются) [10].

По словам лингвиста П.А.Саидовой, в андаляльском диалекте и в ряде других говоров аварского языка словом *уххи* обозначался «медный котелок на трех ножках круглой (сферической) формы» [8]. Андийцы такой котелок называют словом *укъхи* (Х.А. Амирханов).

5. Дарг. *шанг*, сирх. *шинг* (*шав*), муг. *цинк*, муэр. *цанк*; анд. *чвен*, аз. *чэн* [11]. В этот же ряд могут быть отнесены ав., анд. *хъаг*; анд., ботл., карат. *хъаги*; ахв. *шаги*; арч., лак. *чаг*; гунз., бежт. *шаг*; годоб., тинд. *чаги*; хвар. *шог*; гин. *шог*; таб. *йиъаг*, *цаъаг*; рут. *гъаяг*, агул. *гъайаг* (*гъуйаг*).

6. Таб. *дейдул*; агул. *дедул* [10].

Некоторые выводы. Известный востоковед А.Р.Шихсаидов в свое время (публикация 1984 г.) опубликовал специальную подборку материалов по истории литья медных котлов в с. Кубачи, а также ряд названий котла на языках и диалектах соседей [10]. Укажем еще раз, что слово *Гляшак* для названия котла (кастрюли) встречается только у кубачинцев и их соседей апштынцев, кайтагцев, чирагцев. У других даргинцев (сирхинцы, муэринцы и др.) мы встречаем несколько иные названия: *шаг*, *чаг*, *шанг*, *хъаг*, *шог* и др. Нам представляется очевидной связь кубачинского *Гляшак*, кайтагского *Гляшшак*, чирагского *Гляшак* (так чирагцы называют котел «на ножках») (см. первую подборку) с тюркским словом *ошак*, обозначающим конусного типа очаг, на котором устанавливались литые котлы полусферической формы. Он представлял собой сооружение, сложенное из камней с отверстием наверху. Это отверстие служило для установки казана. Очаг так и назывался *казан-ошак* (букв. «котловый очаг») и предназначался для литого котла с полусферическим (полусферическим) дном [12]. Возможно, это слово проникло к кубачинцам в средневековье (XII в.) вместе с литейной технологией котельного производства. Как пишет А.Р. Шихсаидов, «вполне возможно, что с именем приезжего из Мерва в Дагестан мастера по медному литью и связана нисба «Марвази» на медных котлах, выявленных в Кубачи и датированных XII-XIII вв. [10]. Отсюда оно почти без изменений проникло к соседним кайтагцам, апштынцам и чирагцам.

Здесь важно привести и материал известного ираниста В.И.Абаева из его «Историко-этимологического словаря осетинского языка». Он писал: «Это интересное в культурно-историческом отношении слово (речь об осетинском слове *аг* (*ag*) «котел» - А.М.), - имеет верные соответствия в восточногогорской группе кавказских языков» Он предположил, что из Дагестана «этот термин проник также в чеченский и осетинский». По его словам, «первоисточником является, быть может, тюрк. *ажахъ* (*ajaq*) «чашка», «горшок». При этом ученый обратил внимание на то, что «котельное производство имеет в Дагестане... большую давность и пользуется известностью и за его пределами» [13]. Возможно, он был хорошо знаком с исследованиями этнографа Е.М.Шиллинга.

Восточным заимствованием можно считать и слово *кунклур* и другие его варианты (см. вторую подборку). В разных произношениях у ряда

народов Дагестана оно обозначало кувшин: «кувшин-водолей» *гулгун* (ав.), *гунгуми* (лак.). На азерб. языке *гюгюм* - «медный водоносный кувшин», а *гургур* – керамический кувшин. Интересно, что термин *кулкун* (возможно, и «гулгун», т.к. при использовании арабской графики вместо отсутствующей в арабском письме буквы «г» в Дагестане нередко использовали букву «к»), в значении кувшина встречается в документах середины ХУШ в., в перечне имущества аварской княгини Кихилей [14].

Интересно, что, по словам В.И.Абаева, на осетинском *гогон* «высокий металлический кувшин для воды» (скорее всего речь о водоносе). Подобные названия сосуда и на балкарском и адыгейском языках. Далее исследователь отмечает, что порк. *гюгюм* «медный сосуд для воды» [13].

Вместе с тем, заметные существенные фонетические различия в наименованиях котла и кувшина, позволяют предполагать о одновременности и разных источниках проникновения этих терминов из тюркских языков в дагестанские языки.

Здесь надо отметить и то, что в свое время исследователь С.М.Хайдаков сделал наблюдение о том, что «значительная часть дагестанских языков пользуется заимствованными из восточных языков словами» (высказано в словарной статье «котел» его книги). Вместе с тем, его предположение, что слова «*к1-н-к1-р* (лак.), *к1-нк1-м* (арч., цах.)» являются «исконными» для дагестанских языков формами [11], как показывает вышеприведенный материал, не подтверждается. Можно допустить, что словом *к1унк1ур* обозначались и котлы закавказского типа (кованые котлы в форме усеченного конуса).

Есть версия, что *к1улк1ун* (*гулгун* и др.) звукосемантический термин, производный от слова «круглый» (куб. *гулгулзиб*, ав. *гургинаб*).

Тюркским по происхождению заимствованием представляется и слово *къазан* и др. схожие слова (см. третью подборку). Им во многих местах Дагестана обозначали чугунные котлы заводского производства, проникновение в быт которых в Дагестане началось в XIX в. «Чугунные котлы, обычно малых размеров, по всему Дагестану известны под названием *къазан*», - пишет и А.Р.Шихсаидов [15]. Как считает Н.С. Джидалаев, лак. *къазан*, аварскую *хъазан*, даргинскую форму *къазан* в одинаковой степени можно возвести и к аз. *газан* и к кумык. *къазан*. Источник же заимствования лезг. формы *къажгъан* неизвестен, хотя ее тюркское происхождение и очевидно. Лезг. *къазанчи* («котелок») также восходит к аз. *газанджа* [10].

Здесь же отметим, что по тексту уже цитированного выше А.Р.Шихсаидова [10] можно понять, что чугунные котлы изготавливались мастерами-лакцами. Это неточность, т.к. дагестанские мастера не занимались литьем чугуна. Кубачинцы же отливали только медные котлы. Видимо, речь идет о кованых из медного листа южнодагестанского (закавказского) типа котлах в виде усеченного конуса. Такие котлы больших размеров являлись общественным имуществом и были во многих селах, куда добирались

торговцы медью из с. Лагич, городов Азербайджана. Именно такие котлы на выезде приходилось ремонтировать (ставить латки, лудить) лакским и кубачинским медникам. В XIX в. популярность в пище дагестанцев получает плов, который чаще всего готовился в таких казанах. Интересно, что чаще именно такие кованые из меди усечено-конусного вида котлы назывались кызанами.

Займствованными можно также считать слова и пятой подборки. Это термины *шанг*, *шинк* (дарг.), *чвен* (анд.), лак. *чаг*; ав., анд. *хьяг*; анд., ботл., карат. *хьяги*, авх. *шаги*, арч., гуыз., бежт. *шаг*; годоб., тинд. *чаги* хвар. *шог*; гин. *шог*; таб. *йиъаг*, *цаъаг*; рут. *гъаяг*, агул. *гъайаг* (*гъуйаг*). Приведем здесь и соответствия осетинскому из дагестанских языков, приведенные В.И. Абаевым в своем словаре (по публикациям Дирра и Эркерта): «андийские говоры» *хьяги*, *чаги*, *цаг*, авар. *хьяг*, агул. *гъажак*, рутул. *гъежек*, табас. *жаглак* [16].

Слова этой подборки, могут быть связаны с тюркским словом *чан* («сосуд больших размеров»). Признателен за подсказку к.ф.н Х.А. Юсупову. Все фонетические изменения, происшедшие в дагестанских языках (переходы: ч – чв – ш – хь и др.), объясняются их фонетикой (например, ав. *хьин*, дарг. *шин* («вода»). Что касается буквы «г» (*чан+г*), есть версия о том, что это слово звукоподражательное, связанное со звоном колокола [13]. Дело в том, что в турецком *чан* обозначает колокол (опрокинутый колокол превращается в котел) [17]. Известно и то, что процессы выпадения «н» в наименованиях котла по данным аварских, лакского, южнодагестанских языков требуют дальнейшего изучения. По версии лингвиста д.ф.н. М.Ш. Халилова назализация гласных с ослаблением звука «н» характерна для многих андо-цезских языков Дагестана. Вместе с тем ясно, что необходимы дальнейшие поиски по изучению этой группы наименований.

От вышеприведенных отличается название бронзового (медного) котла *уххи*, встречающееся у части аварцев (Чох, Согратль и др.), андийцев. Оно возможно связано с исконной лексикой дагестанских языков. В вариантах он бытует и у лакцев (см. четвертую подборку). У кубачинцев также сохранились отголоски такого названия котла. Приятный вкус немного подгоревшей каши кубачинцы называют *ухханна тлим* (вероятно, от *уххи*), что в переводе с кубачинского языка может означать «котловый вкус», хотя смысл этого выражения никому из кубачинцев сегодня не понятен.

Любопытно и наименование шестой группы, зафиксированное А.Р. Шихсаидовым («особняком стоит название» *дейдул* (аг. *дедул*), - пишет исследователь). По его словам, «дейдул» у табасаранцев - это чугунный котел, не уступающий по размеру котлу *йаъагу*, в нем готовили пищу, делали патоку, красили нитки. Изготавливались эти котлы... мастерами-лакцами» [10]. Вероятно, здесь речь идет о чугунных заводских котлах, распространившихся в конце XIX–XX в., которые именовались старым термином. До распространения таких чугунных котлов лакские и

кубачинские мастера во время выезда на заработки в другие села чинили, изготавливали большие общественные котлы из меди, используя приемыковки и клешки.

Дальнейшие поиски, возможно, позволят уточнить наши наблюдения и расширить число наименований котлов, распространенных среди носителей диалектов и говоров Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973. С. 85.
2. Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа / отв. ред. Н.З. Гаджиева. М., 1990. С. 101.
3. См.: Гаджиева С.Ш., М.О. Османов, А.Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – начало XX в./ отв. ред. Г.А. Сергеева. М., 1978; Алимова Б.М. Кайтаги XIX – начало XX в./ отв. ред. Г.Ш. Каймаразов. Махачкала, 1998 и др.
4. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М., Л., 1949. С. 66–71; Магомедов А.Дж. Город мастеров / научн. ред. М.С. Гаджиев. Махачкала, 2011. В работах представлен материал о меднолитейном деле кубачинцев.
5. Мустафаев Ариф Азербайджан - центр древней медной металлургии на Кавказе. www.irs-az.com. 44. № 3 (33), 2008. Peleq' // <http://irs-az.com/new/pdf/090621162855.pdf>
6. См.: Темирбулатова С.М. Отраслевая лексика даргинского языка / отв. ред. М.-С. М. Мусаев. Махачкала, 2008. С. 398–399.
7. См.: Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин / отв. ред. Г.А. Сергеева. М., 1977. С. 260.
8. Саидова П. А. Диалектологический словарь аварского языка / под редакцией М.И. Магомедова. М., 2008. С. 340.
9. Информация д.фн И.Х. Абдуллаева. Ряд слов, обозначающих «котел» из ряда даргинских диалектов был подсказан и к.ф.н. Х.А. Юсуповым. Автор признателен коллегам за консультации.
10. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X-XV вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. С. 434, 439.
11. Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973. С. 85.
12. И русское слово очаг, «вероятно, ... имеет тюркское происхождение, ([каз. ошак](http://ru.wikipedia.org/wiki/очаг)). У кочевников имеется три варианта ошака: тренога, сложенный из камней и очаг выкопанный в земле». См.: [http://ru.wikipedia.org/wiki/](http://ru.wikipedia.org/wiki/очаг) (дата обращения 01.02.2012). В дагестанских языках также бытует это слово, но в несколько ином значении. В лезг. языке **ужагъ** 1) дом, строение 2) комната. В кумык. ожакъ 1) жилище, родной дом 2) семья, род. См.: Селимов А.А. Словарь восточных заимствований лезгинского языка / отв. ред. Н.Дж. Сулейманов. Махачкала, 2007.
13. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 4 томах: Т. 1, А-К. / Репринтное воспроизведение. М., 1996. С. 34.
14. Айтберев Т.М., Оразаев Г.М. Тюркизмы в аварском языке ХУП в. (по материалам Перечня имущества княгини Кихилей) // Тюрко-дагестанские языковые контакты: Исследования и материалы. Махачкала, 1982. С. 48–61.
15. Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа / отв. ред. Н.З. Гаджиева. М., 1990. С. 101.

16.См.: [Cyhttp://books.google.ru/books](http://books.google.ru/books).

17. В этой связи любопытна переписка двух известных людей - писателя А.М. Ремизова (1877-1957), который занимался пересказом сказок, житий, и ученого В. П. Никитина, ученого-ориенталиста, профессора Школы восточных языков в Париже. Сфера востоковедных интересов В.П.Никитина был Иран, его история, культура, литература. «Дорогой Василий Петрович! – обращался А.М. Ремизов к ученому в письме от 11 сентября 1954 г. – Всё жду Вас. Без Вас пусто в Кукушкиной. И спросить некого. И рассказать некому». Для него Никитин – высший авторитет в области этимологии, которая всегда была притягательна для писателя с его пристальным вниманием к слову и его историческим корням. «Откуда у нас чан? – спрашивал он в одном из писем. – Чану соответствует котел. У Ушакова нет. Буду Вам очень благодарен». Никитин не замедлил удовлетворить лингвистическое любопытство писателя. Вот что он отвечает: «Дорогой Алексей Михайлович. Сначала казалось, что чан персидского происхождения, как лохань от леген, оба предмета домашнего обихода. Но в персидском языке нет ничего подходящего. Посмотрел у турок, и, конечно, наш чан – слово тюркское. По турецки чан – колокол. Опрокинутый, он и есть чан! Но еще лучше: чанак – глиняная чашка, блюдо, миска. Тут и опрокидывать не нужно, а основа чан налицо. Вы знаете, вероятно, другое турецкое слово того же назначения: казан – котел. – Когда я бродил пешком по Болгарии (1907), то был в городишке Казан, Восточные Балканы; назван так, будучи в котловине среди гор». См.: Грякалова Н.Ю. Очарованный словом // http://ay-forum.net/1/Ariavarta_0/0_235.pdf

Чанахъ и диал. ченех 1) большая деревянная чаша, квашня 2) деревянная чабанская миска. См.: Селимов А.А. Словарь восточных заимствований лезгинского языка /отв. ред. Н.Дж. Сулейманов. Махачкала, 2007. С. 481.

REZUME

A.DZH.MAGOMEDOV (Makhachkala) TURKIC NAMES OF THE COPPER IN THE DAGESTAN LANGUAGES

Article is devoted consideration of materials of the Dagestan languages, concerning names of one of kinds of kitchen utensils – coppers. All names of coppers meeting in the Dagestan languages, are divided into six group. Each selection is characterized from the point of view of an accessory of names to Turkic languages and possibility of their loan by the Dagestan languages.